Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

История философии в разных ракурсах: идеи, концепции, методы

К 70-летию Алексея Михайловича Руткевича

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2022

УДК 82(091)
ББК 83.3(2)
М 60

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, В.Д. Губин,
Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов, Г.В. Хлебников

Рецензенты:
д. филос. н. Т.А. Алексеева, *д. филос. н.* А.А. Кара-Мурза

Отв. редактор И.И. Блауберг

Серийное оформление: П.П. Ефремов

М 60 **История философии в разных ракурсах: идеи, концепции, методы. К 70-летию Алексея Михайловича Руткевича.** – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – с. (Серия «Humanitas»)

Коллективный труд приурочен к юбилею известного российского философа, историка философии А.М. Руткевича. Авторы книги, двигаясь в русле течений мысли, интересующих юбиляра, исследуют проблемы истории политической и социальной философии, истории культуры, методологии истории философии. Здесь представлен анализ современных трактовок концепций Т. Гоббса и Л. Штрауса, философских истоков «идей 1914 года», этического либерализма Б. Кроче, философии техники О. Шпенглера. Освещаются методологические проблемы исследования историко-политических понятий, дискуссии по методологии истории философии в аналитической и французской философии. Завершают издание статьи, посвященные эстетической программе «Мира искусства», сопоставлению метафизики Ж.П. Сартра и классической санкхьи, а также ранней философии Г.В. Лейбница.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2)

В оформлении обложки использованы фрагменты картин:

ISBN 978-5-98712-292-1

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Центр гуманитарных инициатив, 2022

А.В. Михайловский

Философия техники Освальда Шпенглера в связи с его незавершенным трудом «Urfragen»

Глубокое родство с огнем: подобно тому, как людские потоки движутся по направлению к свету, к югу, так и решающее их деяние – это <открытие> огня – Прометей. Внутренний огонь ставит себе на службу внешний. Вся религия – это культ огня. Вся наука полна теорий огня. Вся политика – жар, который вспыхивает огнем войны. Вся экономика [служит] поддержанию огня (одежда и пропитание, жилище как вторая одежда [берегут жизненное тепло]).

О. Шпенглер, Urfragen

Освальд Шпенглер – один из немногих философов своего времени, которые отводят технике ключевое место в истории человечества. В опубликованном в 1922 г. втором томе «Заката Европы» («Всемирно-исторические перспективы») технике посвящена последняя глава «Машина». А в 1931 г. вышел небольшой трактат «Человек и техника», после которого все внимание автора уже оказалось сосредоточено на стремительно менявшейся политической повестке. Очевидно, Шпенглер претендует на совершенно особое место в рефлексии о технике. В то же время занятая им позиция одиночки, как бы наблюдающего происходящее на Земле с поверхности Сатурна, демонстрирует родовые признаки реакционно-модернистского дискурса, характерного для представителей «консервативной революции» в Германии. Он отвергает как идеалистический, так и материалистический взгляд на технику. Если идеалистический гуманизм выносил технику за скобки культуры, то завезенный из Англии материализм – плод либерализма и марксизма – также не смог сказать о технике ничего значительного. Первому, говорится в предисловии к «Человеку и технике», не доставало чувства реаль-

ности, второму же не хватает чувства глубины. Даже у такого почитаемого им философа, как Ницше, Шпенглер находит только «враждебное молчание о технике»[1]. В трактате «Человек и техника» он дистанцируется от «литераторов и эстетов, [...] которые считают написание какого-нибудь романа более важным, чем создание мотора самолета»[2]. Шпенглер же, напротив, отводит технике ключевую историческую роль и посвящает ей отдельный трактат. Если в «Закате Европы» внимание автора было сосредоточено на высоких культурах, то в «Человеке и технике» он подробно рассматривает предысторию человечества. В то же время – в герменевтическом отношении – трактат «Человек и техника» предполагает разработанную в opus magnum философию культуры и едва ли может быть верно понят вне ее.

Тем не менее, в литературе о философии техники Шпенглера существует много не только противоречивых оценок «Человека и техники», но и прямых противопоставлений идей этого трактата взглядам, высказанным в «Закате Европы». Новое обращение к мысли Шпенглера европейских философов, социологов и историков мысли в конце 1970-х – начале 80-х гг. в связи с кризисом демократии, гонкой вооружений и оживлением экологического сознания, способствовало выработке специфической оптики, в которой идея «заката» Европы рассматривалась как объективная формулировка реальной историко-культурной дилеммы «прогресс научно-технической цивилизации vs. кризис исторической культуры», а установки ее автора были растворены в достаточно аморфном культуркритицизме (Kulturkritik)[3]. Высказывались мнения, будто немецкий мыслитель предвосхищает не только критику техники из экологической перспективы, но и все экологическое движение 80-х годов, включая поиск «более простых, близких к природе форм жизни». По случаю столетнего юбилея Шпенглера в 1980 г. известный критик правого консерватизма К. Зонтхаймер в своей привычной манере клеймил Шпенглера как реакционера, ненавидящего буржуазно-либеральную демократию, а либерально-консервативный по своим предпочтениям Х. Люббе, наоборот, подчеркивал актуальность цивилизационно-критических мыслей

---

[1] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1. Gestalt und Wirklichkeit; Bd. 2. Welthistorische Perspektiven. München: C.H. Beck, 1990. S. 930.

[2] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1931. S. 3.

[3] Ср.: Technik oder: Wissen wir, was wir tun? / Hrsg. von W. Zimmerli. Basel; Stuttgart, 1976. S. 149.

Шпенглера, который «сумел выявить проблемы с идентичностью прогрессирующего индустриального общества»[4].

В результате этого идея человека как «свободного хищника», пользующегося техникой как органическим орудием для достижения господства, оказывалась «реакционным мифом», а восхваления Шпенглером инженеров-«жрецов машины» воспринимались как явным образом противоречащие его прогнозам о «самосгорании» фаустовской энергии и торжестве цивилизации с ее комфортом, с ее panem et circenses.

Немногие советские и российские авторы, писавшие о шпенглеровской концепции техники, как правило, пользуются схожей оптикой, даже не всегда отдавая себе в этом отчет. Показательны оценки Г.М. Тавризян в ее книге «Философы XX века о технике и “технической цивилизации”»: «Очевидно, история философии знает не много примеров надругательства мыслителя над собой, подобного тому, какое допустил Шпенглер в работе “Человек и техника”, представляющей собой акт духовного вандализма (при всем том, что некоторые из ее мотивов уже содержались в “Закате Европы”): это поразительный случай не только предельной вульгаризации писателем своих идей и тезисов, но глумления над материалом»[5]. В данном случае мы имеем, конечно же, не огульные обвинения Шпенглера в том, что он якобы выступал предтечей «идеологии и практики фашизма» – на них в свое время не скупился С.Ф. Одуев в книге «Тропами Заратустры» (1971). Г.М. Тавризян – аккуратная исследовательница, далекая от черно-белых схем марксистской критики, и свои выводы она объясняет эволюцией взглядов Шпенглера. Соглашаясь с тем, что концепция истории с ее картинами органического цветения культур не только полностью вписывается в немецкую философию жизни, но и несет на себе явные черты «биологизма», она утверждает, что в «“Человеке и технике” биологизм вытравил философию культуры»[6]. И далее: «В “Закате Европы” история, – до последних двух столетий своего декаданса, – была культурой. Теперь “история” – это исключительно бездуховное развитие: элиминированы фактически все явления культуры, кроме технических изобретений, которые Шпенглер рассматривает как орудие в биологическом соперничестве в борьбе за власть. Проблем духовной культуры для Шпенглера больше не су-

---

[4] См.: *Lübbe H.* Historisch-politische Exaltationen. Spengler wiedergelesen // Spengler heute / Hrsg. von Peter Christian Ludz. München: C.H. Beck, 1980. S. 1–24.

[5] *Тавризян Г.М.* Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009. С. 49.

[6] Там же. С. 48.

ществует. Но зато победы техники – это победы духа потомков викингов, первооткрывателей, колонизаторов»[7]. Однако существуют как минимум две теоретические трудности в части обоснования некой эволюции Шпенглера, с каковыми неизбежно сталкивается такая аргументация. Во-первых, это отсутствие в интеллектуальной биографии Шпенглера каких-либо цезур или следов методологического или мировоззренческого изменения позиции, аналогичных, скажем, трансформации метафизического мышления от «Хайдеггера I» к «Хайдеггеру II». Во-вторых, это нарочитая схематизация в изображении культурфилософии Шпенглера.

Начнем со второй проблемы, чтобы в дальнейшем сосредоточиться на первой. На мой взгляд, было бы неверно (потому что слишком упрощенно) изображать позицию Шпенглера так: душа/культура vs. разум/цивилизация. Цивилизация является для него такой же частью культуры, как и любая предшествующая стадия в развитии народов. Даже разрушающие культуру силы разума сами по себе остаются отражениями прасимвола (Ursymbol) культуры, а то, что в какой-то судьбоносный момент они одерживают верх над всеми другими способами культурного бытия, также является чем-то вроде реализации базового культурного императива, т.е. присущей культуре воли к бесконечности. По этой причине сочинение о технике достигает своей кульминации в вопросе о будущем и завершении фаустовской цивилизации.

Вместо «заката» или «гибели» (как переводят этот заголовок на русский язык в новейших изданиях книги), подсказывает сам автор, можно было бы спокойно говорить «завершение» или «исполнение»: в слове «Untergang» не подразумевается идея какой-то катастрофы[8]. Модель Шпенглера «апокалиптична» в буквальном смысле глагола apokalypto: речь идет о раскрытии будущего, обнаружении общих черт истории каждого народа, что позволяет поместить текущий момент внутрь судеб мировых культур. В отличие от революционного апокалипсиса с его надрывным эсхатологизмом, закат западного мира представляется вполне структурированным процессом.

В «Закате Европы» не встречаются ламентации по поводу разрушения высокой культуры, наоборот, автор хладнокровно описывает симптомы ее неизбежного, исторически необходимого конца.

---

[7] *Тавризян Г.М.* Философы XX века о технике и «технической цивилизации». С. 49.

[8] «Der Begriff einer Katastrophe ist in dem Worte nicht enthalten». Это замечание Шпенглера цитирует Р.П. Зиферле (*Sieferle R.P.* Die konservative Revolution: Fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. S. 126–127).

Было бы неправильно поэтому вчитывать в рассуждения о закате Запада некое внутреннее отторжение приближающейся с трагической неизбежностью последней фазы цивилизации. Напротив, мы неоднократно встречаем *аффирмативное отношение к тому, что кладет конец культуре прошлого, – промышленной революции, технике и соответствующей ей политической форме цезаризма*. В основе этого аффирмативного отношения лежит парадоксальный базовый ход мысли: хотя цивилизация представляет собой конечное состояние культуры и постепенное умирание последней, Германия призвана решительно заняться развитием технологий и промышленности. Отсюда лозунг: «Культура мертва, да здравствует цивилизация!».

Не стоит забывать широко разошедшийся афоризм Шпенглера «Optimismus is Feigheit» («оптимизм – это трусость»). Поэтому по вопросу о месте рефлексии о технике в культурфилософии Шпенглера я предлагаю придерживаться формулы *«героическое преодоление критики техники»*, предложенной философом и интеллектуальным историком Рольфом Петером Зиферле: «Было бы недоразумением считать высказывания Шпенглера о технической цивилизации “критикой техники”. Скорее наоборот, речь идет о попытке героически преодолеть критику техники как раз с позиции признания и одобрения, которая в то же время всячески стремится избежать мифов прогрессистского мышления»[9].

Обращаясь теперь к первой и главной для этого исследования проблеме, не следует пренебрегать одной важной отсылкой, которая содержится в самом начале предисловия к «Человеку и технике». «На нижеследующих страницах, – пишет Шпенглер, – я излагаю некоторые мысли, заимствованные из большого труда, над которым я работаю последние годы. Моим намерением было апробировать подход, применявшийся в “Закате Европы” исключительно к группе высоких культур, на материале *первоначальной истории человека*, которая образует их историческую предпосылку»[10]. Таким образом, истолкование шпенглеровской концепции техники как аппликации морфологии истории не только полностью соответствует авторскому замыслу, но и обещает оригинальное решение актуального вопроса об отношении «техники и культуры» в антропологической и метафизической перспективе.

А.М. Руткевич предлагает считать небольшую книжку о человеке и технике «краткой выдержкой» из незавершенного труда

---

[9] *Sieferle R.P.* Die konservative Revolution. S. 130.
[10] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. Vorwort.

Шпенглера «Первовопросы» («Urfragen»), в котором Шпенглер намеревался систематически изложить свою философию и подвести итог своим пятнадцатилетним штудиям первобытных культур и в особенности культур бронзового века II тысячелетия до н.э.[11] По предположению издателя и редактора Антона Мирко Коктанека, «Urfragen» изначально задумывались как собрание афоризмов[12]. Вероятно, в этом можно видеть сознательное подражание Гераклиту, которому была посвящена диссертация Шпенглера. Другой несомненный источник вдохновения – это Ницше. Развернутый план книги в приложении (Anhang) свидетельствует о грандиозном авторском замысле: всеобъемлющая философия культуры, в которой «Закат Европы» с изложенной там историей высоких культур занимал бы место заключительной части. Первые ступени формирования «единой культуры», «единого человечества», «единой истории» образуют единый континуум, но дальше в силу вступает дисконтинуальность, предполагающая замкнутость отдельных «высоких» культур – тот самый материал сравнительной морфологии. Так образуется последовательность, обозначаемая Шпенглером в его проекте буквами a, b, c, d.

Понятие Urfragen встраивается в один ряд понятий с приставкой Ur-, выражающих отношение к архэ или истоку: Urworte, Ursymbol, Urphänomen. Прафеномен в смысле Гёте – это и есть культура. Первовопросы как бы сами заключают в себе и ответ, поскольку «метафизика – это задавание вечных вопросов без ответов» (гл. III, афоризм 22). Каждая культура ставит эти вопросы по-своему. Постичь «гештальт истории такого вопрошания» значило бы проникнуть в суть истинной морфологии истории. Urfragen – это первая часть незавершенного проекта истории человечества Шпенглера, который должен был завершаться морфологией культуры. «Первовопросы без ответов» – это сама субстанция культуры, живого бытия. Душа, как и жизнь, метафизичны в том смысле, что недоступны для мышления и исследования. Основные слова метафизики Шпенглера: огонь, кровь, тепло, холод, свет, темнота, бодрствование, сон. Перед нами своего рода возвращение к ионийской метафизике, к протофилософским построениям Анаксимандра и Гераклита, отдававших

[11] См.: *Руткевич А.М.* Освальд Шпенглер: геополитика младоконсерватора // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. С. 58.

[12] *Spengler O.* Urfragen. Fragmente aus dem Nachlass / Unter Mitwirkung von Manfred Schröter herausgegeben von Anton Mirko Koktanek. München: C.H. Beck, 1965. S. XI.

приоритет качественным характеристикам сущего, чувственно-конкретным качествам, перед количественными и абстрактными характеристиками.

Ключевое место здесь занимает Flamme, пламя как синоним жизни, потому что «мы сами – пламя». Только так всемирная история может быть по-настоящему осмыслена как история жизни. Замерзание, говорит Шпенглер, наоборот, является самым негативным чувством. Таким образом, утверждение и отрицание, первые «да» и «нет», через которые образуется напряжение между микрокосмом и макрокосмом, имеют не интеллектуальный характер (интеллект – это всего лишь «остывание пламени», «зола»), а чувственно-волевую природу. Для лучшего понимания концепции техники также важно предварительно отметить, что обращенность души вовне имеет более ранний характер, чем рефлексия, которую Шпенглер уничижительно именует «фантазмом внутренней жизни». Мир – это элементарный факт бодрствования (II, 4). Будучи элементом живой природы, человек восстает против природы и расплачивается за это своим бытием. Как микрокосм он отделяется от макрокосма и становится главным героем трагедии. Все ступени формирования человеческой культуры: a, b, c, d – образуют собственно историю как «восстание против природы». Так что «человек есть хищник с руками», а «рука есть опасное оружие, направленное на природу»[13].

Таким образом, вполне справедливо, что А.М. Руткевич помещает философию техники Шпенглера под рубрикой «метафизики». «Жизнь есть борьба, которая меняет свои формы, но приводит к тому, что на вершине оказываются хищные животные, а самым умелым хищником является человек. Он пользуется орудиями, создаваемыми с помощью интеллекта, который сам есть прежде всего оружие. Рука человека возникает как орудие хищника: она слаба сама по себе и предполагает орудие – они появляются одновременно. Рука всегда потенциально вооружена, человек изначально “мыслит руками” и лишь впоследствии, на уровне высокой культуры, мышление отделяется от работы руками, поскольку появляется нужда в том, кто направляет работу других с помощью интеллекта, еще более совершенного оружия. [...] Часть природы человек нацеливает на покорение природы: слабый хищник создал своим интеллектом технику, обратив ее на природу, а потому сделался самым сильным. Из этого хитроумия рождаются прочие “хитрости разума”, вплоть до наук и искусств. Научный критический метод тоже

[13] *Spengler O.* Urfragen. Fragmente aus dem Nachlass. S. 268.

есть хитрость, он является оружием, как и всякое мышление, подбирающее средства для некой цели»[14].

В самом деле, концепция техники в «Человеке и технике» прекрасно согласуется с идеей генезиса примитивных культур. Шпенглер использует широкое понимание техники. Для него техникой является «любая деятельность, которая имеет цель»[15]. «Техника – это тактика всей жизни, – звучит его знаменитое определение. – Она есть внутренняя форма поведения в борьбе, которая равнозначна самой жизни»[16]. Понятие «Technik» включает в себя в том числе и животных: в частности, Шпенглер считает возможным говорить о «технике льва, который умеет обхитрить газель»[17]. Вместе с тем существует большая разница между техникой животных и техникой человека: животные владеют неизменной, аперсональной родовой техникой, тогда как человек технический действует «сознательно, произвольно, изменчиво, персонально, изобретательно». Созданная человеком особая тактика жизни, говорит Шпенглер, «составляет его величие и его проклятие. А внутреннюю форму этой творческой жизни мы называем культурой»[18].

Если вся жизнь рождается из пламени, то технический огонь Прометея – это не что иное как исток культуры, всей истории человечества. В технике заключается «величие и проклятие» человека, который отваживается на «бунт Прометея», акт неповиновения и освобождения из-под ярма собственной видовой природы. Свобода идет рука об руку с творчеством, т.е. созданием своей «тактики жизни». «Культура» и «техника» впоследствии получат своих исполнителей – предприятия, организации, государства. Эти объединения людей будут обеспечивать реализацию «техники» и становление «культуры» вплоть до пресловутого превращения в «цивилизацию». В этом смысле нельзя согласиться с тем, что этот прометеев акт происходит «стихийно» в смысле неосознанности (ведь именно осознанность и изобретательность отличают действия человека технического!), подобно тому как было бы неверно переворачивать соотношение культуры и техники, ставя пространство культуры на первое место на том основании, что оно якобы обеспечивает существование «техники»[19]. Лик культуры действительно напрямую зависит от тактики жизни!

---

[14] *Руткевич А.М.* Освальд Шпенглер: геополитика младоконсерватора. С. 60–61.
[15] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. S. 8.
[16] Ibid. S. 7.
[17] Ibid. S. 8.
[18] Ibid. S. 25.
[19] Ср. *Скипин Н.С.* Философия техники О. Шпенглера в контексте глобальной культуры // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. С. 109.

Антропологический подход к вопросу о «технике и культуре» также отражается в тезисе, что рука – не просто инструмент, а такой инструмент, который непосредственно участвует в процессе возникновения человека, этого поначалу одинокого «изобретательного хищника»[20]. На второй стадии развития уже возникает диалог, с помощью которого удается браться за коллективные дела и осуществлять их. Благодаря ему возникает организация, а затем – уже на уровне высоких культур – животноводство, горное дело, величественные архитектурные постройки и путешествия в повозках и на кораблях. Наконец, самым грандиозным образованием среди высоких культур оказывается «фаустовская» западноевропейская культура, достигающая своего апогея как раз не в готической архитектуре или искусстве фуги, а в «машинной промышленности».

Нельзя установить никаких противоречий или разрывов между «Закатом Европы» и «Человеком и техникой». «Фаустовский ученый и изобретатель, – пишет Шпенглер в «Закате Европы», – есть нечто уникальное. Первосила его воления, ясность его прозрений, стальная энергия его практической мысли должны показаться чем-то загадочным и зловещим каждому, кто наблюдает за ним из другой, чуждой культуры. Но все это заключено в нашей крови. Вся наша культура имеет душу изобретателя. Находить и изобретать то, чего люди не видят, являть это перед внутренним взором, чтобы потом овладеть им, – вот страсть, которой она с самого начала охвачена»[21]. Фаустовская мечта изобретателя заключается в том, чтобы «самому создать мир, самому стать богом»[22]. Как уже было сказано, своего апогея эта культура достигает с изобретением паровой машины. «Воля к власти, презирающая границы пространства и времени и преследующая единственную цель – безграничное, бесконечное, подчиняет себе целые регионы земли, охватывает в конечном счете всю планету сетями транспорта и коммуникации и в итоге трансформирует ее с помощью своей практической энергии и грандиозных технологических процессов»[23]. Ненасытное хищное животное по имени человек не знает никаких границ. «Он не может просто посмотреть на водопад, не превращая его мысленно в электрическую энергию. Он не может просто смотреть на луга с пасущимися на них стадами, чтобы сразу же не подсчитать в уме их экономическую ценность, он

[20] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. S. 26.
[21] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. S. 1186 и сл.
[22] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. S. 69.
[23] Ibid. S. 64.

не может просто взять в руки прекрасное старое изделие, предмет народного декоративно-прикладного искусства, ему непременно нужно заменить его каким-нибудь современным техническим средством»[24].

Но в какой-то судьбоносный момент фаустовское мышление начинает пресыщаться техникой, ощущается усталость, своего рода «пацифизм в борьбе с природой». В последней главе второго тома «Заката Европы» слова «машина», «машинная техника» используются для обозначения собственно техники фаустовской культуры. Из культурфилософской логики Шпенглера вытекает то, что машинная техника должна закончиться вместе с фаустовским человеком. Удачный неологизм «обыскусствывания» предлагает Н.С. Скипин: «Машина (механизм, автомат), безусловно, мыслится Шпенглером как то, что позволяет заниматься процессом “обыскусствывания” естественного – природы. От ученых и естествоиспытателей, которые при помощи машинной техники занимаются допросом- допытыванием-испытанием-пыткой природы, инженеров, которые включают природу в свои механизмы (реку в гидроэлектростанцию), до выстраивания государств по типу машины, вписыванию человека в большой государственный механизм. Везде естественное становится искусственным, искусственное есть Великий аттрактор для человеческого существования, и у фаустовской культуры способом “обыскусствывания” является машина»[25].

С одной стороны, сила техники заключается в том, что она способна покорить «бесконечное», когда воление фаустовского человека присоединяется к «конечному» устройству – машине, механизму, автомату. С другой стороны, этим обусловливается и парадокс цивилизационного развития, приобретающий характер настоящей *трагедии фаустовского мышления*. Шпенглер наблюдает в ситуации между двух мировых войн исполнение западной фаустовской культуры, которому суждено продлиться не одно столетие. В качестве иллюстрации он опять-таки использует фаустовский мотив. «Каждая высокая культура есть трагедия; история человечества *в целом* трагична. Гюбрис и немезис фаустовского человека, однако, превосходят даже самые смелые прозрения Эсхила или Шекспира. Творение восстает против своего творца. Как некогда микрокосм-человек поднялся на природу, так ополчается теперь микрокосм-машина против нордического человека. Госпо-

[24] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. S. 79.
[25] *Скипин Н.С.* Философия техники О. Шпенглера в контексте глобальной культуры. С. 110.

дин мира становится рабом машины. Она принуждает его, нас, причем всех без исключения, знаем мы это или нет, хотим ли этого или нет – двигаться в заданном ею направлении. Взбесившаяся упряжка влечет низвергнутого победителя навстречу смерти»[26]. Было бы неверно рассматривать этот патетический литературный пассаж как свидетельство в пользу либо расхожего технодетерминизма, либо, наоборот, враждебного отношения к технике. В другом месте[27] он называет современного инженера «господином» и «судьбой» машинной цивилизации и размышляет о вероятности того, что нехватка инженеров или антирационалистическая переориентация инженеров может положить конец машинной эпохе.

Прогноз заката культуры исходит из оценки состояния современной техники, но вместе с тем идет дальше него. Машины привели к росту народонаселения; благодаря им на историческую арену выступили массы. Одновременно техническое разделение труда усилило разрыв между вождями и массами. Массы отказываются повиноваться вождям, но без них они бессильны. Переоцененная социалистами «классовая борьба» представляет собой, по мнению Шпенглера, скорее маргинальное явление. Современная эпоха определяется борьбой между техническим мышлением и деньгами, «между производящей и овладевающей экономикой», борьбой, из которой победителем выходят деньги. Но победителем временным, потому что им в конечном счете придется отступить перед цезаризмом[28]. «Предательство в отношении техники»[29] уже началось, началось тогда, когда ее, примордиальный элемент западноевропейской культуры, передали другим расам, например, японцам. Последние, – прогнозирует Шпенглер, – поначалу жадно воспользуются ее плодами и не преминут обратить ее как оружие против Запада, но потом обязательно откажутся от нее, потому что в них нет фаустовской души. А появления культуры, равной западной культуре, Шпенглер не ждет.

Цивилизация – это судьба. Германия образца 1914 года – это вполне «современная» и «цивилизованная» страна: она представляет собой не прошлое фаустовской культуры, а только ее специфический момент. Готовя первый том «Заката Европы» (1918), Шпенглер прекрасно понимал, что Германия, боровшаяся против всего «цивилизованного мира», была не Германией Гёте и Шил-

[26] *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. S. 75.
[27] См.: ibid. S. 191.
[28] Ibid. S. 1192 и сл.
[29] Ibid. S. 84.

лера, а «второй Америкой»[30]. В мировой войне решалось лишь, какая цивилизационная сила возобладает в будущем мировом порядке – будет ли это англосаксонский капитализм («торгашество») или прусский организационный социализм («героизм»). В любом случае, речь идет о некоем столкновении внутри современной цивилизации, а не об антимодернистской оборонительной борьбе против цивилизации. Коль скоро возврат к доцивилизационным условиям в смысле нормативного идеала «культуры» исторически снят с повестки дня, требуется занять позицию «героического реализма» и преодолеть пассеистскую и ностальгическую в основе своей критику техники.

Еще Д. Херф в своем классическом исследовании о «реакционном модернизме» отмечал, что «битву Культуры против Цивилизации не способны выиграть немецкие луддиты, вооружившиеся одними клише völkisch-идеологии. Сохранение “крови и традиций” требует самых современных технологических ресурсов»[31]. *Тогда целью критических выпадов Шпенглера против технологий массового производства и развлечений оказывается не машина сама по себе, а именно деньги.* И хотя «Закат Европы» содержит полную палитру того, что по-английски называется «cultural despair», его настоящий месседж остается героико-реалистическим. Именно техника должна сыграть ключевую роль в националистическом восстании против сил, утративших жизненный инстинкт, – политического либерализма и беспочвенных международных финансов[32].

Итак, главный пафос философии техники Шпенглера звучит: «Technik statt Lyrik, Marine statt Malerei» («Техника, а не лирика, флот, а не живопись»). Предположу, что признание этого факта стало консенсусом исследователей Шпенглера, чья активная фаза пришлась на 1990–2000-е годы (К. Ленк, Т. Рокремер, Р.П. Зиферле, Ж. Мерлио). Из наиболее интересных исследователей молодого

---

[30] Подобным образом Эрнст Юнгер уже в годы Веймарской республики называл Берлин «самым американизированным городом мира», а правильным ответом страны на поражение в мировой войне считал «тотальную мобилизацию немца», т.е. всё то же завершение модернизации – только не по буржуазно-либеральному сценарию, а через усиление тенденций авторитарного государства «рабочего» и плановой экономики.

[31] *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge University Press, 1984. P. 58

[32] При этом предположение того же Херфа (p. 64) о том, что заветной целью Шпенглера, которую он преследовал публикацией «Человека и техники», будто бы был удар по технофобским настроениям молодежи, вдохновлявшейся экспрессионистами и утомленными гуманитариями-интеллектуалами, не кажется мне достаточно убедительным в свете заметного развития в Германии технократического движения как раз в начале 1930-х гг.

поколения с собственным в*и*дением Шпенглера хотелось бы выделить Грегори Свера, который также приходит к выводу, что «для Шпенглера реальная проблема технической цивилизации заключается в ее отчуждении от собственной техники»[33]. Неустанно разрабатывая технические средства для завершения фаустовского проекта абсолютизации воли к власти, западное человечество упустило из виду культурную причину, лежащую в основе этого исторического процесса. Можно сказать, с ним происходит примерно то же самое, что с европейским человечеством в истории бытия у Мартина Хайдеггера: Seinsvergessenheit. А именно, оно забыло о causa finalis технического развития, о своей миссии, и смотрит теперь на продукты технологий как ценные сами по себе, утрачивает целостный взгляд на технику. Для одних техника может оказываться самоцелью, другие же в поисках выхода из тупиков механизации, массовизации и коммерциализации общества вообще переключаются на чуждые культурные формы и в поисках альтернативных способов существования увлекаются метафизически непрозрачными заимствованиями из других культур.

Этим тенденциям Шпенглер противопоставляет свое знаменитое стоическое amor fati. Распространенные в литературе, хотя и очень однобокие оценки Шпенглера как технодетерминиста объясняются, пожалуй, тем, что он действительно исходит из определенности человеческого существования, его заданности конкретными историческими обстоятельствами. Свободный выбор существует, но воля фаустовского индивидуума ограничена кругом возможных задач, данных ему, так сказать, вместе с его родословной. В нынешнюю эпоху *эти обстоятельства являются именно технологическими*. Следовательно, шпенглеровское понятие экзистенциальной свободы будет предписывать не «свободу делать то или это», а «свободу делать необходимое или не делать ничего». Navigare necesse est, vivere non est necesse. В итоге это означает, что условием возможности подлинного существования в «век масс и машин» будет как раз сознательный выбор технического проекта, т.е. такой формы техники, которая понимается не только как теория, но и как определенная практика.

Вот почему в осеннее время фаустовской культуры Шпенглер решительно записывается в апологеты техники. Последняя, как мы видели в свете концептуального плана «Первовопросов», становится для него новым мифом прометеевского, а значит титанического

[33] *Swer G.* The Revolt against Reason: Oswald Spengler and Violence as Cultural Preservative // The Philosophical Journal of Conflict and Violence. Vol. III. Issue 2/2019. P. 132.

человека, которого в конце за его гюбрис в отношении богов ждет неизбежная немезис. Иначе говоря, «фаустовский человек» периода цивилизации возвращается к своей первоначальной миссии – сделаться господином земли и овладеть силами природы, в очередной раз демонстрируя свой властный инстинкт, теперь уже на уровне инженерного творчества. Шпенглер присягает на верность «другому модерну» и призывает сделать это своих соотечественников[34]. Все остальное означало бы предательство в отношении техники, Verrat an der Technik. История человечества как бы замыкается. Мир, родившийся из разумного гераклитовского пламени, неизбежно приближается к финальной точке планетарного ekpyrosis'а, в котором технике отведена далеко не последняя роль.

Литература

Руткевич А.М. Освальд Шпенглер: геополитика младоконсерватора // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. С. 51–90.

Скипин Н.С. Философия техники О. Шпенглера в контексте глобальной культуры // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. С. 106–112.

Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2: Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.

Шпенглер О. Человек и техника / Пер. с нем. А.М. Руткевича // Культурология: XX век. М., 1995. С. 454–492.

Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge University Press, 1984.

Lenk K., Meuter G., Otten E.R. Vordenker der neuen Rechten. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 1997.

Ludz P. Ch. (Hrsg.). Spengler heute. München: C.H. Beck, 1980.

Merlio G. Kultur- und Technikkritik vor und nach dem ersten Weltkrieg // Titan Technik / Hrsg. v. Friedrich Strack. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. S. 19–41.

[34] См.: *Rohkrämer T.* Eine andere Moderne?: Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn: Schöningh, 1999. S. 292.

Rohkrämer Th. Eine andere Moderne?: Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn: Schöningh, 1999.

Sieferle R.P. Die konservative Revolution: Fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995.

Spengler O. Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1931.

Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1. Gestalt und Wirklichkeit; Bd. 2. Welthistorische Perspektiven. München: C.H. Beck, 1990.

Spengler O. Urfragen. Fragmente aus dem Nachlass / Unter Mitwirkung von Manfred Schröter herausgegeben von Anton Mirko Koktanek. München: C.H. Beck, 1965.

Swer G. The Revolt against Reason: Oswald Spengler and Violence as Cultural Preservative // The Philosophical Journal of Conflict and Violence. 2019. Vol. III. Issue 2. P. 123–148.

Technik oder: Wissen wir, was wir tun? / Hrsg. von W. Zimmerli. Basel; Stuttgart: Schwabe, 1976.

Содержание

Несколько слов о юбиляре 5

А.Ф. Филиппов
Левиафан и оптика террора 8

Д.С. Моисеев
Философские основания немецкого национализма:
от Гердера и Фихте до Зомбарта..... 27

Т.А. Дмитриев
Этический либерализм Бенедетто Кроче..... 43

А.В. Павлов
Strausskampf нашего времени 75

А.В. Михайловский
Философия техники Освальда Шпенглера
в связи с его незавершенным трудом «Urfragen» 95

М.М. Федорова
К истории формирования социально-политических понятий
(сравнительный анализ современных
методологических программ) 110

Л.Б. Макеева
Еще раз о способах написания истории философии..... 130

И.И. Блауберг
Дискуссия о методе историко-философских исследований
(Фердинан Алькье versus Марсиаль Геру)..... 145

О.А. Жукова
Эстетические идеалы «Мира искусства»
и философия творчества Ренессанса..... 162

Т.П. Лифинцева
Стратегии дуализма в метафизике Ж.П. Сартра
и классической санкхье 187

Н.А. Осминская
«Алфавит человеческих мыслей» и проблема
универсального письма в ранней философии
Готфрида Вильгельма Лейбница..... 201

Сведения об авторах и аннотации статей..... 222

Указатель имен. *Составитель* 232

История философии в разных ракурсах: идеи, концепции, методы

К 70-летию Алексея Михайловича Руткевича

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Л.В. Лобанова
Корректор

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».
«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:
в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08–71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве ООО «Университетская книга-СПб»
Тел. (495) 915–32–84, e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру – http://www.labirint.ru/

Подписано к печати 20.04.2022. Формат 60x90 1/16. Заказ №
Усл. печ. л. 15.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221–89–80